

ТРЕНДЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ БОСНИИ И ГЕРЦЕГОВИНЫ И СЕВЕРНОЙ МАКЕДОНИИ*

Пономарева Елена Георгиевна,

МГИМО МИД России,
профессор кафедры сравнительной политологии,
доктор политических наук,
Москва, Россия,
ORCID: 0000-0001-8370-8597,
E-mail: politology@mgimo.ru

Попадьева Татьяна Игоревна,

МГИМО МИД России,
аспирант кафедры сравнительной политологии,
Москва, Россия,
E-mail: tatpopadyova@yandex.ru

Для цитирования: Пономарева Е.Г., Попадьева Т.И. Тренды идентификации в молодежной среде Боснии и Герцеговины и Северной Македонии // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2019. № 3 (36). С. 98–119. doi: 10.24411/1817-9568-2019-10307

Аннотация

Идентичность как базовая характеристика современного общества занимает не только важное место в научном дискурсе, но и самым непосредственным образом сопряжена с практической политикой. В процесс формирования идентичности «снизу» и «сверху» вовлечены общественные и государственные институты, что при внимательном и деликатном обращении с данным предметом обеспечивает уникаль-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 19-011-31138 ««Новое прошлое» и его роль в политических трансформациях: опыт стран Западных Балкан».

ность и целостность конкретного сообщества, его «самость». В сложносоставных, гетерогенных и потому потенциально конфликтных обществах проблема идентичности ощущается особо остро. Идеально типичный в веберовском понимании пример таких сообществ – Босния и Герцеговина и Северная Македония. В статье представлен анализ эмпирического исследования идентификации молодежи названных стран в возрасте от 15 до 35 лет, проведенного в мае-августе 2019 года. Цель исследования – рассмотреть дискурс идентичности в качестве механизма конструирования социальной реальности в Боснии и Герцеговине и Северной Македонии, провести анализ существующих тенденций в процессе формирования гражданской идентичности. На основе методологии отечественных и зарубежных авторов были разработаны 20 вопросов онлайн-анкетирования (<https://ru.surveymonkey.com/r/politicalidentity>), направленных на выявление трендов идентификации молодежной аудитории изучаемых обществ. В статистическом виде и экспертных суждениях выражена актуальная система ценностей респондентов, определена иерархия их идентивных установок. Выявленный в ходе исследования современный ценностный ландшафт молодого населения двух балканских стран может быть определен как идентификационный диссонанс, выражающийся в сосуществовании наднациональной (с одной стороны – образовательно-профессиональной, с другой – общеевропейской) и этнической идентичностей. В последнем случае доминирует негативный тренд групповой идентификации. Таким образом, не менее важный вывод заключается в констатации консервации групповых разграничительных этнических линий и укрепления групповых этнических дистанций в изучаемых странах. Такое положение вещей не только существенно затрудняет процессы формирования гражданской идентичности и устойчивой государственности, но видится одним из значимых маркеров грядущих политических трансформаций.

Ключевые слова:

гражданская идентичность, молодежная среда, тренды идентификации, Босния и Герцеговина, Северная Македония.

UDC 303.4+304.44

DOI: 10.24411/1817-9568-2019-10307

YOUTH IDENTITY TRENDS IN BOSNIA AND HERZEGOVINA AND NORTH MACEDONIA

Ponomareva Elena Georgievna,

MGIMO University,
Professor of Comparative Politics Department,
Doctor of Political Science, Professor,
Moscow, Russia,
ORCID: 0000-0001-8370-8597,
E-mail: politolology@mgimo.ru

Popadeva Tatiana Igorevna,

MGIMO University,
Post-graduate of Comparative Politics Department,
Moscow, Russia,
E-mail: tatpopadyova@yandex.ru

To cite this article: Ponomareva, E.G., & Popadeva, T.I. (2019). Trendy identifikacii v molodezhnoj srede Bosnii i Gercegoviny i Severnoj Makedonii [Youth Identity Trends in Bosnia and Herzegovina and North Macedonia]. *Scientific Journal "Discourse-P"*, 3(36), 98–119. doi: 10.24411/1817-9568-2019-10307

Abstract

Identity as a basic characteristic of modern society not only holds an important place in scientific discourse but also directly relates to practical politics. Using bottom-up and top-down approaches, public and state institutions are involved in the identity-building process, which, with careful and delicate handling of the subject, ensures the uniqueness and integrity of a particular community, its selfhood. In complex, heterogeneous and therefore potentially conflicting societies, the problem of identity is particularly acute. Bosnia and Herzegovina and North Macedonia are ideally typical Weberian examples of such communities. The article presents an analysis of an empirical research of the identification process among young people aged 15 to 35 years from these countries, conducted in May-August 2019. The purpose of the study is to address the identity discourse as a mechanism for constructing social reality in Bosnia and Herzegovina and North Macedonia and to analyze existing trends of the civic identification process. Based on the methodology of domestic and foreign authors, the online survey consisted of 20 questions (<https://ru.surveymonkey.com/r/politicalidentity>) and aimed to reveal identity-building trends of the youth audience in the studied societies. In a statistical form and expert judgments, the paper demonstrates the actual value system of respondents and determines the hierarchy of their identifying attitudes. The modern value landscape of the young people of the two Balkan countries can be defined as identity dissonance, expressed in the coexistence of a supranational (on the one hand, educational and professional, on the other, pan-European) and ethnic identities. In the latter case, the negative trend of group identification dominates. Thus, an equally important conclusion is to state the conservation of group demarcating ethnic lines and the consolidation of group ethnic distances in the studied countries. This state of affairs not only substantially complicates the formation of civic identity and stable statehood but also becomes one of the significant markers of future political transformations.

Keywords:

civic identity, young people, identification trends, Bosnia and Herzegovina, North Macedonia.

Введение. Идентичность как категория политического анализа

Локковское видение личности как «рационально мыслящего существа, которое имеет разум и рефлекссию и может рассматривать себя как себя, как то же самое мыслящее существо, в разное время и в различных местах» (Локк, 1982, с. 387) по прошествии веков не потеряло своей актуальности и может считаться базовой характеристикой политической/гражданской идентичности современного индивида. При этом в самом широком смысле идентичность (в понимании предшественников современных социологов Дж. Болдуина (Baldwin, 1906), У. Джеймса (James, 1983), Дж. Мида (Mead, 2015) – «самость») личности не исключает ее изменчивости, но поддерживает идею преемственности не только сменяющих друг друга состояний индивида, но и целых поколений. «Самость» («Self») или в современном прочтении – идентичность – обеспечивает уникальность и целостность личности и общества; несмотря на внешние изменения, раскрывается и проявляется при приписывании себя к группе «своих» и противопоставлении себя группе «чужих». «В результате указанных процессов индивид, с одной стороны, осознает свою принадлежность к определенному социальному окружению, общность с ним, с другой стороны выделяет себя из этого окружения, понимая свою особость, самость» (James, 1983, p. 294).

Впервые в научном дискурсе идея врожденной конкуренции с другими членами человеческого сообщества появляется в работах Ч. Кули (Кули, 1994, с. 320–321), и с тех пор является одной из методологических установок изучения идентичности не только как важной категории политической науки, но и технологии практической политики. И.С. Семененко права: категория идентичности «позволила соединить индивидуальный и надындивидуальный срезы политического сознания и поведения и отразить одновременно и динамику, и состояние общественных настроений, и сопряженную с ними рефлекссию их носителей» (Семененко, 2011, с. 8). В итоге, «в современном социо-гуманитарном знании идентичность, ее конструирование и трансформации – одна из основополагающих тем фундаментальных и прикладных исследований» (Горшков, Тюрина, 2018, с. 45), обращение к которой становится ключом к пониманию не только многих процессов и проблем современности, но прогнозированию и даже проектированию будущего.

За последние десятилетия нормой стало понимание неиерархического характера личностной идентичности, совместимости в ней разных составляющих и ситуативной значимости тех или иных из них. Внимание к личностному «Я» в контексте текущего социального времени формирует актуальные нарративы идентичности. Саморефлексия вокруг них, ее отражение в изменениях культурной нормы и динамике институтов стали неотъемлемой характеристикой текущей реальности. В результате, современное общество можно определить как «пространство постоянно изменяющихся идентичностей» (Дробижева, 2008, с. 221).

Таким образом, процесс формирования гражданской идентичности – путь сложения идейно-политических ориентаций, предпочтений и конструктов, в котором участвуют различные субъекты. Цель такой идентификации – создание «на основании соотнесения с иными субъектами политики – носителями «иной» идентичности, и размежевания с ними» (Семененко, 2019, с. 452) общих

представлений о государстве и его властных институтах, внедрение в сознание граждан единых ценностных ориентиров.

Хорватский исследователь Д. Петрович, занимающийся изучением процессов формирования гражданских идентичностей в странах бывшей Югославии, выделил следующие факторы идентификации (Petrović, 2006, p. 213–215):

1. Сфера межличностных отношений, доминирующей единицей которой является семья. К ней также относится самоидентификация по гендеру, профессии, религии. По мнению ученого, именно данные аспекты наиболее «загромождены» и парализованы политическими коннотациями (например, борьба за равенство полов, религиозный фундаментализм, национализм).

2. Сфера экономических отношений определяет принадлежность индивида к социальной группе, классу, сообществу на основе материальных потребностей и возможностей.

3. Сфера политических отношений формирует политическую идентичность граждан на основе признания ими государственности страны проживания. Например, проживающие в Боснии и Герцеговине сербы идентифицируют себя с Республикой Сербской – энтитетом (единицей) общего государства.

4. Сфера культурных отношений позволяет формировать идентичность на основе языка, религии, социальных норм и обычаев, национальной истории.

Процесс построения личной и коллективной идентичности внутри и вокруг названных сфер не является линейным и иерархичным. Личность точно так же, накапливая опыт и знания, выделяет свою причастность к группе и противопоставляет себя «чужим», как и группа формирует коллективную реальность из представлений отдельных индивидуумов и собирается, и трансформируется по мере самоидентификации каждого ее члена.

Плюрализм самоидентификаций современного человека дополняется и усложняется множественностью политических идентичностей, которые в свою очередь рождаются в процессе политики идентичности. Последняя раскрывается в деятельности «по формированию и поддержанию национальной, гражданской и иных форм макрополитической идентичности, в практике целенаправленного воздействия и взаимодействия государства и групп интересов на путях формирования общих ценностей и ориентиров развития политического (национального, территориального) сообщества и групповых солидарностей внутри этого сообщества, поддержания чувства принадлежности к нему» (Семененко, 2019, с. 454).

В этом сложном процессе государство выступает ключевым актором, который для достижения конкретных целей политики идентичности использует сложный комплекс институтов социализации (система образования, воинская служба, НКО, политические партии, СМИ), которые активно используют языковую политику, политическую символику и историческую память. Итогом такой разносторонней деятельности становится гражданская (в узком смысле национальная) идентичность, определяющая коллективное самосознание членов государства как единого, значимого для всех сообщества. Именно на этой основе базируется легитимность власти и государства как института, претендующего на реализацию гражданской идентичности в политических действиях под флагом защиты национальных интересов.

Таким образом, политика идентичности осуществляется в контексте отношений власти, господства и подчинения, конкуренции и сотрудничества. Согласимся с Г. Я. Миненковым в том, что политика идентичности – это прежде всего «борьба теоретическая и социально-политическая, а не просто объединение в группы по интересам, борьба, связанная с разрушением прежних легитимаций и поиском признания и легитимности, а иногда и власти, а не только возможностей для самовыражения и автономии» (Миненков, 2005, с. 24). Именно поэтому любая система ценностей, символов и маркеров, структурирующая идентичность, является существенной составляющей системы власти, организующей и поддерживающей порядок в рамках того или иного сообщества. В то же время «государственная поддержка тех или иных интерпретаций социальной реальности вовсе не гарантирует их доминирующей роли: даже если «нужная» нормативно-ценностная система навязывается насильственными методами, у индивидов остается возможность «лукавого приспособления» и двоемыслия» (Малинова, 2011, с. 106).

Идентичность все чаще становится объектом целенаправленных усилий участников политического процесса, рассматривающих формирование политической и (или) гражданской/национальной идентичности как важный мобилизационный ресурс публичной политики. Государства активно проводят политику идентичности, целью которой является объединение общества представлениями – в зависимости от стоящих задач – о «нации» как в этническом, так и в политическом смыслах, об интерпретации «национальной» культуры и истории. Перефразируя Э. Хобсбаума, получим: «в главном идентичности (у классика здесь стояло слово «нации») конструируются «сверху», и все же их нельзя постигнуть вполне, если не подойти к ним «снизу», с точки зрения убеждений, предрассудков, чаяний и интересов простого человека, которые вовсе необязательно являются национальными, а тем более – националистическими по своей природе» (Хобсбаум, 1998, с. 20). В современных условиях «каждое государство пытается убедить своих граждан в том, что они составляют «нацию», следовательно, все вместе принадлежат к одному политическому сообществу и имеют по отношению к каждому другому гражданину и к общему для всех них государству особые обязательства» (Ачкасов, 2013, с. 71). В то же время в любом обществе работает «непреодолимая сила культурной гравитации, которая соединяет нацию» (Сурков, 2019), что находит выражение в гражданской идентификации.

«Секрет» популярности концепта идентичности – «в связанных с ним ожиданиях получить ответ на неразрешенный с помощью привычного инструментария социо-гуманитарного знания вопрос: как гармонично соотнести социальные потребности и приоритеты политического развития современного общества с ценностями и смыслами человеческого бытия?» (Семененко, 2019, с. 447). Не менее важным видится возможность выявить с его помощью источники социального действия. В политической практике дискурс идентичности является действенным механизмом конструирования текущей реальности, а динамика идентичности – один из значимых маркеров настоящих и грядущих социальных трансформаций.

Все вышесказанное имеет особенную актуальность для переходных сложноструктурированных обществ, которые находятся в поиске своего ме-

ста в быстро меняющейся политической матрице. Показательным кейсом в этом смысле являются Балканы, где обусловленное этнографическими, историческими и социокультурными факторами чересполосное проживание народов определило особую актуальность идентификационного вопроса «кто мы?» (Вишняков, Пономарева, 2019, с. 110). Конкретное сообщество может стать единым, обладая прочными горизонтальными связями – социокультурными, экономическими, политическими. Это единство, в противовес границам «свой – чужой», является набором представлений о «мы – сообществе», прекрасно описанном Б. Андерсоном (Андерсон, 2001), где основным является не «принадлежность» (или «исключенность»), а то, кто такие «мы». Андерсоновское единство политического сообщества К. Дойч назвал «общим жизненным контекстом» (Deutsch, 1994, р. 34). Единое политическое сообщество возникает при наличии легитимных политических институтов, унифицированных правил и норм, общего информационного пространства, общей исторической памяти и, наконец, гражданской идентичности, возникающей не только из ответа на вопрос «кто я?», но и «кто мы?», рождая или воспроизводя тем самым «всеохватывающую и очень устойчивую сеть человеческих коммуникаций, способную сохранять и развивать дальше свои каналы» (Дойч, 2000, с. 84).

В настоящее время вопрос «кто мы?» приобрел на Балканах особое – геополитическое – звучание: конструирование новых наций и политий способно окончательно закрепить за регионом статус сегментированного и конфликтного пространства. Несмотря на то, что отечественная школа балканистики – одна из самых сильных в мировой науке (достаточно назвать работы Я.В. Вишнякова, В.К. Волкова, Е.Ю. Гуськовой, П.Е. Канделя, К.В. Никифорова, А.Л. Шемякина; причем этими фамилиями не исчерпывается багаж накопленных знаний), серьезных исследований идентификационных процессов в регионе до сих пор нет. Вообще не изучен этот аспект в молодежной среде.

В рамках проекта «Новое прошлое» и его роль в политических трансформациях: опыт стран Западных Балкан», поддержанного весной 2019 г. РФФИ и АНО ЭИСИ, была, в частности, поставлена задача выявить тенденции и определить промежуточные итоги формирования идентификационных основ современных балканских обществ. В качестве кейсов были выбраны две наиболее гетерогенные и разделенные не только в национальном, но и в политическом смысле страны региона – Босния и Герцеговина (БиГ) и Северная Македония (СМ). Так, в БиГ формирование гражданской идентичности характеризуется наложением трех процессов нациестроительства: конструированием новой нации бошняков, основу которой составляют этнические сербы, принявшие ислам; тяготением к Хорватии как материнскому государству хорватского меньшинства и строительством собственного государства в рамках квазифедеративной единицы БиГ (Республика Сербская) боснийскими сербами, которые все чаще позиционируют себя как «самых правильных сербов». Идентификационная политика СМ по формированию единой гражданской/политической нации осложняется наличием двух, по сути, автономных и настроенных враждебно по отношению друг к другу национальных сегментов – македонцев и албанцев (Пономарева, 2018, с. 99).

В целях получения максимально объективной картины было проведено онлайн-исследование настроений молодежи названных стран в возрасте от 15

до 35 лет. Кроме того были проведены экспертные интервью с представителями боснийских и македонских научных и политических кругов, а также индивидуальные глубинные интервью с молодыми людьми обеих политий, сохраняющие гендерный и этнический баланс репрезентативной группы. Поскольку данные анкетирования представляют имперсональную информацию из первых рук и «открывают» текущую реальность названных балканских стран, остановимся подробнее на его анализе.

Методология исследования

Онлайн-анкета из 20 вопросов была размещена на интернет-платформе (<https://ru.surveymonkey.com/r/politicalidentity>) и растиражирована в социальных сетях. Для максимального охвата аудитории был использован наиболее распространенный в регионе язык межнационального общения – английский.

Анкета включала четыре блока:

1. Данные респондента («паспортичка»; вопросы 1–7);
2. Иерархия идентичностей (вопросы 8–11);
3. Групповая идентичность, внешний и внутренний «другой» (вопросы 12–16);
4. Оценка внешней и внутренней политики государства через призму гражданского самосознания (вопросы 17–20).

«Паспортичка» позволила выявить пол, возраст, образование, профессиональную деятельность, гражданство, национальность и место жительства респондентов.

Второй блок – «Иерархия идентичностей» – включал четыре вопроса. Приведем их полностью.

8. *Проранжируйте, пожалуйста, в порядке значимости данные о себе, где 1 – наиболее важное определение Вашей личности, а 7 – наименее важное.*

Выбрать предлагалось из следующих позиций: пол, возраст, образование, профессиональную деятельность, гражданство, национальность и место жительства респондентов. Цель данного вопроса – выявить доминирующую идентичность респондента. Вслед за Ш. Страйкером и Р. Серпом, которые предложили данную методику (Stryker & Serpe, 1994), предполагаем, что участники опроса сравнивали каждую идентичность с семью другими и в итоге выделяли наиболее и наименее важные характеристики собственного «Я».

9. *Играет ли вопрос собственной идентичности в Вашей жизни значительную роль?*

Было предложено четыре вида ответов: да; играет, но незначительную; иногда; не играет. Аналогичная постановка вопрос-ответ прошла успешную апробацию в исследованиях Я. Стетса (Stets & Biga, 2003). Цель вопроса – получить представление о степени присутствия фактора идентичности в жизни респондентов.

10. *Обозначьте, пожалуйста, свою реакцию на ряд следующих утверждений, где 1 – очень рад(а), 2 – рад(а), 3 – приятно слышать, 4 – принято к сведению.*

Были предложены семь вариантов ответов:

✓ Представители вашего пола статистически умнее, чем представители противоположного.

✓ Ваше поколение лучше предыдущего, у вас блестящие перспективы.

✓ Ваш уровень образования дает вам преимущества в жизни.

✓ Ваша профессиональная деятельность вызывает одобрение окружающих и приносит личное удовлетворение.

✓ Вы живете в независимом и процветающем государстве.

✓ Ваша национальная/этническая принадлежность – повод для гордости.

✓ Многим людям нравится город/населенный пункт, в котором Вы живете.

11. *Обозначьте, пожалуйста, свою реакцию на ряд следующих утверждений, где 1 – очень огорчен(а), 2 – огорчен(а), 3 – неприятно слышать, 4 – все равно.*

Были предложены семь вариантов ответов:

✓ У представителей вашего пола интеллектуальные способности, как правило, ниже, чем у представителей противоположного.

✓ Ваше поколение можно назвать потерянным, не имеющим будущего.

✓ Вашего уровня образования недостаточно, чтобы пробиться в жизни.

✓ Ваша профессия не востребована на рынке труда.

✓ Вы живете в нестабильном и зависимом от других стран государстве.

✓ Вам стоит скрывать от других людей вашу национальную/этническую принадлежность.

✓ Мало кто хочет жить там, где Вы живете. Вам стоит переехать.

Данная методика вопроса была предложена в работах Л. Наттброка и П. Фрейдигера (Nuttbrock & Freudiger, 1991), Дж. Эллистада и Я. Стетса (Ellestad & Stets, 1998). Вопросы 11 и 12 направлены на непрямую оценку иерархии идентичности респондентов. В частности, эмоциональные, очевидно субъективные реакции на позитивные и негативные высказывания об определенной характеристике отвечающего позволяют выявить сбалансированность самоопределения испытуемых или же его диспропорцию. Например, респондент может отождествлять себя в первую очередь через национальный признак и эмоционально реагировать на комплименты по поводу собственной национальности («Ваша национальная/этническая принадлежность – повод для гордости» – 1 – очень рад). Однако при оценке негативных высказываний отвечающий может не выразить равнозначной эмоциональной реакции (например, «Вам стоит скрывать от других людей вашу национальную/этническую принадлежность» – 4 – все равно). В таком случае можно будет сделать вывод о ситуативном доминировании национальной идентичности в самосознании респондента, так как данная идентичность выступает на первый план только в позитивном ключе.

Третий блок – «Групповая идентичность, внешний и внутренний «другой» – включал пять вопросов и был разработан с опорой на методологию С. Джонсона и А. Колемана (Johnson & Coleman, 2012), В.Е. Морозова (Морозов, 2009), И. Нойманна (Нойманн, 2004) и О.В. Поповой (Попова, 2002).

12. *К какому типу организации Вы бы охотнее присоединились (или членом какой организации являетесь).*

Респондентам предлагалось сделать выбор из семи позиций: против гендерной дискриминации; объединение молодежи; научное сообщество; профес-

сиональный союз; политическая партия; за равные права национальных меньшинств; благоустройство среды (населенного пункта, в котором Вы проживаете).

13. Разделяют ли Ваши родители и близкие друзья Ваши идеологические и политические ориентации?

Было предложено четыре вида ответов: да; скорее да, чем нет; скорее нет, чем да; нет.

14. Есть ли группа внутри вашего общества, которую Вы бы противопоставили себе? Если да, то по какому основанию?

В качестве оснований такой возможной группы мы предложили: пол, возраст, образование, род деятельности, гражданство, национальность, место жительства. Отдельно был указан ответ «нет такой группы».

Следующие два вопроса требовали от респондентов довольно больших затрат времени и эмоционального напряжения.

15. Из 12 пар противоположных характеристик выберите в каждой паре определение, наиболее подходящее для группы людей внутри вашего общества, которой Вы себя противопоставляете. Если такой группы нет, пропустите этот вопрос.

Были предложены следующие пары: благородный/бесчестный; принципиальный/беспринципный; добрый к другим/эгоистичный; жадный/щедрый; рассудительный/эмоциональный; трудолюбивый/ленивый; гостеприимный/закрытый; лживый/честный; жестокий/сочувствующий; законопослушный/нарушающий закон; поддерживающий добрососедские отношения/идущий на конфликт; думает только о своих/заботится о всеобщей выгоде.

16. Из 12 пар противоположных характеристик выберите в каждой паре определение, наиболее подходящее для группы людей внутри вашего общества, с которой Вы себя ассоциируете. Если такой группы нет, пропустите этот вопрос.

Пары для ответа были аналогичны предыдущему вопросу.

Четвертый блок – «Оценка внешней и внутренней политики государства через призму гражданского самосознания» – состоял из четырех политически ориентированных вопросов.

17. Выберите пять стран, с которыми, на Ваш взгляд, Ваше государство поддерживает плодотворные и дружеские отношения.

Выбор государств был определен географическими, этно-религиозными, историко-культурными, военно-политическими и экономическими факторами. Это Австрия, Албания, Болгария, Великобритания, Германия, Греция, Израиль, Италия, Китай, Россия, Румыния, Саудовская Аравия, Северная Македония/Босния и Герцеговина, Сербия, Словения, США, Турция, Хорватия, Черногория, Чехия.

18. Выберите пять стран, с которыми, на Ваш взгляд, Ваше государство находится в политическом противостоянии или имеет разные векторы развития.

Перечень стран для ответов аналогичен предыдущему вопросу.

19. Как Вы оцениваете инициативы Вашего правительства по формированию гражданской идентичности в Вашей стране? (Направлены ли основные усилия Ваших политиков на то, чтобы каждый человек определял себя как гражданина вашего государства)?

Были предложены следующие ответы: полностью поддерживаю, считаю успешными; частично поддерживаю; считаю, что политики уделяют недостаточное внимание вопросу гражданской идентичности в моей стране; не поддерживаю.

20. *Что из прошлого Вашего государства является ориентиром для Вас?*

Респонденты выбирали из следующих ответов: принцип социальной справедливости; героические страницы истории; независимость; коллективизм; рабочее самоуправление; социальная защищенность.

Результаты исследования

В анкетировании приняли участие 62 респондента, из которых 29 – из Боснии и Герцеговины и 33 – из Северной Македонии. 38% всех опрошенных – женского пола, 62% – мужского. Группа до 18 лет составила 2% респондентов, от 18 до 24 лет – 8%, от 25 до 35 лет – 90%. Доминирующее число опрошенных имеют высшее образование (80%) и постоянную работу (56%). Все респонденты проживают в городах: в БиГ это Сараево, Восточное Сараево, Баня Лука, Рогатица; в Северной Македонии – Скопье, Битола, Куманово, Прилеп. То, что принять участие в опросе решили исключительно городские жители – свидетельство активной жизненной позиции представителей именно этого сегмента балканского общества.

Вопрос об этнической/национальной принадлежности был открытым – нужно было самостоятельно указать свою национальную принадлежность. Так, из БиГ 87% опрошенных назвали себя сербами, 10% – бошняками, 3% – хорватами. Из Северной Македонии 99% опрошенных определили себя как македонцы и 1% как албанцы. Поиск представителей албанской этнической группы, проживающих в Северной Македонии, представлял особую сложность. Несмотря на данные последней переписи населения 2002 г., где из 2 022 547 граждан Северной Македонии 25,2% являются этническими албанцами (Статистички годишник, 2005), привлечь к опросу молодых людей среди албанцев было практически невозможно, что свидетельствует о крайней закрытости и дистанцированности албанского сообщества. Такое положение вещей не является уникальным для Македонии. Проведенные опросы по шкале социальной дистанции Богардуса в университете Приштины в декабре 2016 – январе 2017 г. выявили, что «албанские студенты демонстрируют наибольшую этническую дистанцию по отношению к сербам, цыганам и русским, а наименьшую – к американцам и англичанам» (Šuvaković, 2019, с. 211).

Второй блок вопросов («Иерархия идентичностей») показал интересные, но в целом предсказуемые результаты. Лидерами в иерархии идентичностей стали «Образование» (47%) и «Профессиональная деятельность» (32%). На третьем и четвертом места большинство опрошенных поставили «Пол» и «Возраст». И лишь затем шла «Национальность». Последним местом в иерархии стало «Место жительства» – более 30% опрошенных поставили «7» напротив данного пункта, в то время как лишь 1% респондентов определил «Место жительства» как доминирующую идентичность. Незначительно превышал этот показатель отношения к гражданству (Таблица 1; график 1). Таким образом, при первом

приближении можно утверждать, что для молодежи БиГ и СМ национальность, гражданство и место жительства не играют определяющей роли в процессе формирования идентичности. Условные боснийцы и македонцы скорее объединены образовательно-профессиональными и возрастными характеристиками, нежели гражданско-национальными. Этот промежуточный вывод подтверждается данными высокой мобильности молодежи – миграционный отток экономически активного населения из стран Западных Балкан наиболее ярко выражен именно в изучаемых странах, а также в Албании (Манаков, Суворков, 2016, с. 73; Net migration, 2017). На этом фоне логично выглядит высокая поддержка молодежью процесса евроинтеграции: в БиГ вступление в Евросоюз поддерживают 85% молодежи (Youth study BiH, 2019); в СМ – 81% (Youth study NM, 2019). Однако не стоит спешить с утверждением о доминировании наднациональной (образовательно-профессиональной и общеевропейской) идентичности. Последующие ответы усложняют картину ценностного ландшафта.

Таблица 1 – Иерархия идентичностей

	1	2	3	4	5	6	7
Пол	12.90%	9.68%	22.58%	14.52%	8.06%	9.68%	22.58%
Возраст	1.61%	22.58%	17.74%	25.81%	17.74%	9.68%	4.84%
Образование	46.77%	19.35%	20.97%	6.45%	0.00%	3.23%	3.23%
Профессия	19.35%	32.26%	11.29%	20.97%	11.29%	1.61%	3.23%
Гражданство	1.61%	3.23%	9.68%	19.35%	29.03%	19.35%	17.74%
Национальность	6.45%	11.29%	20.97%	12.90%	14.52%	17.74%	16.13%
Место жительства	1.61%	1.61%	6.45%	16.13%	19.35%	22.58%	32.26%

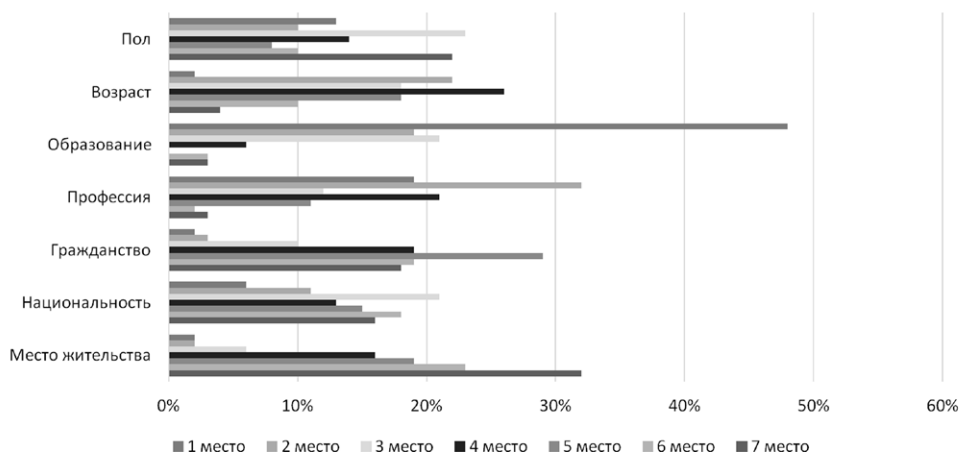

График 1 – Иерархия идентичностей

На вопрос «Играет ли вопрос собственной идентичности в Вашей жизни значительную роль?» большинство респондентов ответило положительно (74%); 21% отметили, что играет иногда и лишь 5% ответили отрицательно (таблица 2; график 2).

Таблица 2 – Играет ли вопрос собственной идентичности в Вашей жизни значительную роль?

Варианты ответов	Ответы
Да	43.55%
Да, но не значительную	30.65%
Иногда	20.97%
Не играет	4.84%
Общее число	100%

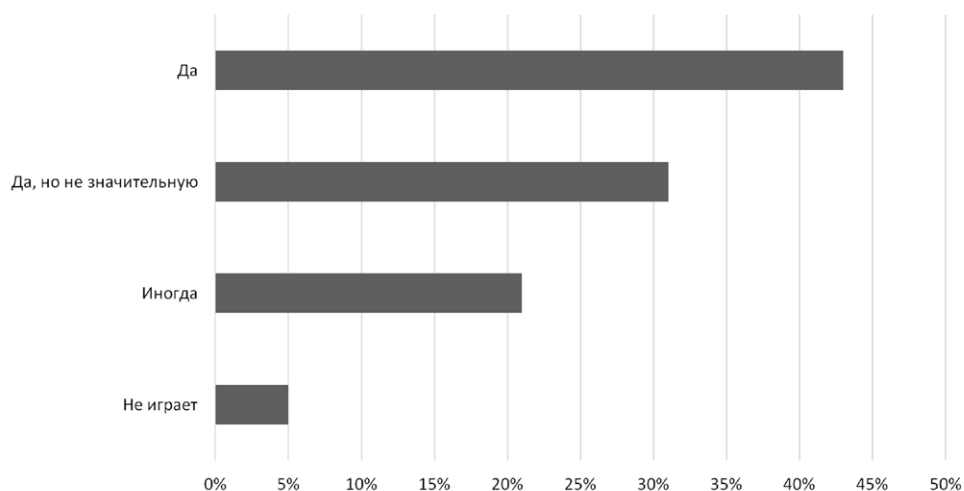

График 2 – Вопрос собственной идентичности

Сравнительный анализ 10 и 11 вопросов обнаружил несознательное занижение значимости гражданской и национальной идентичности респондентов. Как видно из предыдущих вопросов, самоопределение посредством гражданства и этническая принадлежность не лидирует в опросах. Однако при позитивных высказываниях о данных характеристиках респонденты демонстрируют

живую реакцию (лишь 34% опрошенных ответили «Принято к сведению»). Еще интереснее то, что градус реакции увеличивается при негативных высказываниях: 48% ответили, что «очень огорчены» неприятными положениями об их национальности/этнической принадлежности (самый высокий процент в вопросе), и в то же время лишь 16% опрошенных заявили, что им «все равно». Таким образом, можно сделать вывод, что гражданская и национальная идентичность выходит на первый план в ситуации конфликта, эмоционального нападения на респондента. Для сравнения: этнополитический конфликт и в БиГ, и в Македонии среди молодых людей ощущается гораздо острее, чем вопросы гендерного равенства. Относительно последнего 50% опрошенных заявили, что им «все равно» (таблицы 3–4; графики 3–4).

Таблица 3 – Обозначьте, пожалуйста, свою реакцию на ряд следующих утверждений, где 1 – очень рад(а), 2 – рад(а), 3 – приятно слышать, 4 – принято к сведению

Ряд положительных высказываний	Очень рад(а)	Рад(а)	Приятно слышать	Принято к сведению
Представители вашего пола статистически умнее, чем представители противоположного.	9.68%	12.90%	19.35%	58.06%
Ваше поколение лучше предыдущего, у вас блестящие перспективы.	14.52%	32.26%	20.97%	32.26%
Ваш уровень образования дает Вам преимущества в жизни.	40.32%	33.87%	14.52%	11.29%
Ваша профессиональная деятельность вызывает одобрение окружающих и приносит личное удовлетворение.	37.10%	33.87%	14.52%	14.52%
Вы живете в независимом и процветающем государстве.	37.10%	22.58%	6.45%	33.87%
Ваша национальная/этническая принадлежность – повод для гордости.	30.65%	24.19%	11.29%	33.87%
Многим людям нравится город/населенный пункт, в котором Вы живете.	29.03%	27.42%	17.74%	25.81%

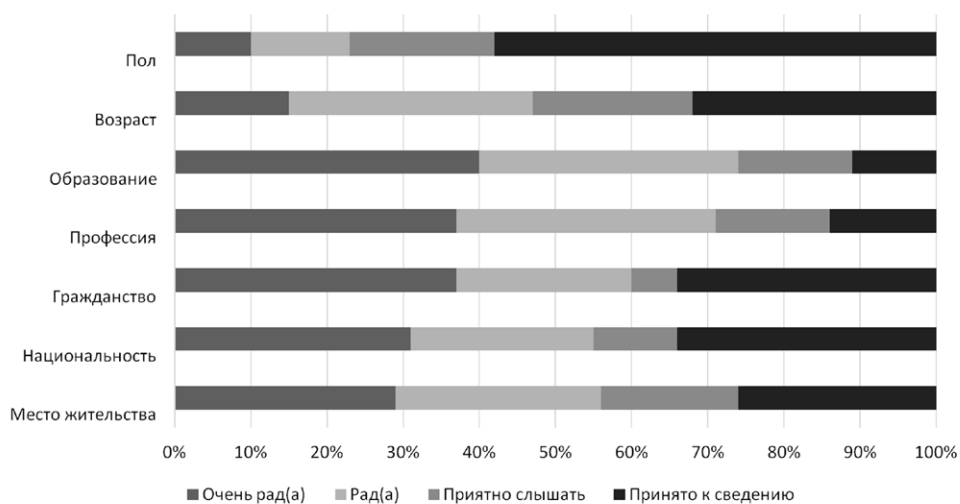

График 3 – Позитивное восприятие

Таблица 4 – Обозначьте, пожалуйста, свою реакцию на ряд следующих утверждений, где 1 – очень огорчен(а), 2 – огорчен(а), 3 – неприятно слышать, 4 – все равно

Ряд негативных высказываний	Очень огорчен(а)	Огорчен(а)	Неприятно слышать	Все равно
У представителей вашего пола интеллектуальные способности, как правило, ниже, чем у представителей противоположного.	4.84%	9.68%	35.48%	50.00%
Ваше поколение можно назвать потерянным, не имеющим будущего.	19.35%	27.42%	40.32%	12.90%
Вашего уровня образования недостаточно, чтобы пробиться в жизни.	22.58%	25.81%	27.42%	24.19%
Ваша профессия не востребована на рынке труда.	19.35%	33.87%	29.03%	17.74%
Вы живете в нестабильном и зависимом от других стран государстве.	33.87%	22.58%	29.03%	14.52%

Вам стоит скрывать от других людей вашу национальную/этническую принадлежность.	48.39%	19.35%	16.13%	16.13%
Мало кто хочет жить там, где Вы живете. Вам стоит переехать.	20.97%	22.58%	20.97%	35.48%

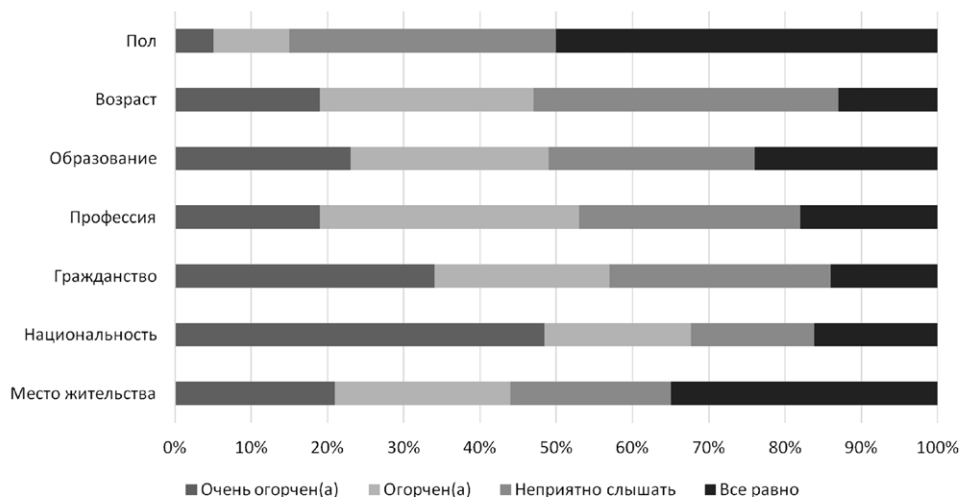

График 4 – Негативное восприятие

Вопросы блока «Групповая идентичность» также обнаружили важные результаты. Несмотря на разносторонние интересы респондентов (в вопросе о типах организаций процент симпатий распределился достаточно равномерно, без ярко выраженного лидера: от научного сообщества (26%) и урбанистических организаций (21%) до групп против гендерной дискриминации (5%)) и безусловное влияние родных и близких на формирование политических взглядов (о существовании групповой политической идентичности заявили 70% опрошенных), в вопросе о внутреннем «другом» лидирует критерий «национальность» (32%).

Вопросы 15 и 16, где требовалось охарактеризовать идентичность «других» в «своем» государстве, а затем свою групповую идентичность, обнажили явное противопоставление себя внутреннему «другому». Процент характеристик был зеркальным: там, где давалось определение с негативной коннотацией для «других», был такой же показатель, как и для позитивного прилагательного для «своих». Стоит отметить, что в вопросы специально были введены такие определения, как «добрый к другим», «гостеприимный», «сочувствующий», которые могли бы вполне относиться и к людям, с которыми респондент противопоставляет себя по национальному или политическому признакам, однако и здесь противоположная группа не получила признания.

Говоря о внешнем влиянии, молодые люди Боснии и Герцеговины и Северной Македонии среди политических партнеров своих государств назвали Сербию (53%), Россию (50%), Черногорию (40%), Турцию (39%), Германию (27%). В качестве политических оппонентов большинство получили Албания (77%), США (52%), Греция (50%), Хорватия и Болгария (по 44%), Великобритания (41%). Эти цифры – свидетельство очень сложных процессов внутри сообществ изучаемых стран, косвенные данные сохраняющихся противоречий между правительствами и населением. В частности, несмотря на политику правительства БиГ и СМ по ускоренной интеграции в НАТО (Македония после переименования 6 февраля 2019 г. подписала протокол о вступлении в альянс, который находится в процессе утверждения всеми членами структуры), большинство респондентов главными политическими оппонентами назвали именно членов НАТО.

В вопросе о прошлом государства, на которое следовало бы ориентироваться, подавляющее большинство респондентов отметили, что больше всего гордятся героическими страницами истории (71%). Очевидно, что вспоминали они прежде всего борьбу с османским владычеством, а также исторические вехи «общего» государства – королевской и социалистической Югославии. БиГ и СМ возникли как самостоятельные государственные образования в результате разрушения СФРЮ и своей «героической истории», которую бы в равной степени оценивали все проживающие в этих странах народы, у этих стран просто нет. Таким образом, основой современной гражданской идентификации для подавляющего большинства молодежи аудиторией выступает не настоящее, а прошлое. Не случайно, оценивая современную политическую ситуацию и меры по формированию гражданской идентичности внутри стран, подавляющее большинство (71%) осудило действия политиков. 27% заявили, что лишь частично поддерживают инициативы действующих правительств.

Заключение

Проведенное исследование выявило схожесть позиций и ценностных ориентиров в отношении основ идентичности у молодежи БиГ и СМ. В ходе анкетирования были выявлены два взаимосвязанных тренда, свидетельствующих об идентификационном диссонансе сознания респондентов. С одной стороны, существует образовательно-профессиональная тенденция идентичности. С другой – доминирование негативного тренда групповой идентификации молодежи: противопоставление своей этнической группы внутренним «другим» (этно-политический конфликт внутри государств), а также самоопределение через отрицание внешних «других». Этот вывод принципиальной важности, так как история развития региона не раз подтверждала тезис: «многие масштабные конфликты связаны с противоречивым характером формирования идентичности, и в то же время сами становились акселераторами этого процесса» (Оносов, Гаспаршвили, Шафранец, 2018, с. 494–495).

Проведенное анкетирование подтвердило также выводы ряда зарубежных исследований. Так, последние опросы Фонда им. Ф. Эберта в Боснии и Герцеговине (Youth study BiH, 2019) и Северной Македонии (Youth study NM, 2019) выявили разочарованность молодых людей действиями политической

элиты своих государств. В БиГ более 50% опрошенных не доверяют политикам и оценивают действия политических институтов как неэффективные. В СМ число недовольных среди молодежи политическим курсом правительства еще выше – 61%. В то же время молодежь стремится к повышению своего присутствия в государственной политике: наблюдается ее высокая вовлеченность в электоральный процесс. Например, в БиГ регулярно ходят на выборы 78%, в СМ – более 80%. Как отмечается в исследованиях, этнический фактор до сих пор играет одну из определяющих ролей при выборе политических предпочтений и построении социальных связей (семья, друзья, место работы), хотя молодые люди уже не так явно объясняют систему своих убеждений этническим национализмом, как это было в исследованиях прошлых лет.

Проблема идентичности балканской молодежи, особенно православной, есть отражение, как и у русских, сложного, исторически многосвязного и отчасти мистифицированного пространства. «Конфигурация и актуальное содержание этого пространства представлений лабильны, неизбежно реагируют на текущую социально-политическую, экономическую и социо-культурную динамику, воспринимаемую в долгосрочном и широкоформатном историческом контексте» (Оносов, Гаспаришвили, Шафранец, 2018, с. 495). С одной стороны, это требует особой деликатности при обсуждении и анализе идентификационных трендов. С другой – позволяет довольно четко прогнозировать разграничительные доминанты групповой идентичности.

Список литературы

1. Андерсон, Б. (2001). *Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма*. М.: Канон-пресс-Ц.
2. Ачкасов, В.А. (2013). Политика идентичности в современном мире. *Вестник СПбГУ*, 6(4), 71–77.
3. Вишняков, Я.В., Пономарева, Е.Г. (2018). Сербия на Балканах: изобретение «порохового погреба Европы». *Современная Европа*, 7, 108–121. doi: 10.15211/soveurope72018115129
4. Горшков, М.К., Тюрина, И.О. (2018). Синтез этнонационального и гражданского как основа российской идентичности. *Вестник РУДН: Социология*, 18(1), 44–57. doi: 10.22363/2313-2272-2018-18-1-44-57
5. Дойч, К. (2000). Рост наций. В Прузаускас, А.А. (Ред.). *Этнос и политика*. М.: УРАО.
6. Дробижева, Л.М. (2008). Национально-гражданская и этническая идентичность: проблемы позитивной совместимости. В Горшков, М.К. (Ред.), *Россия реформирующаяся* (Вып. 7, с. 214–228). М.: Институт социологии РАН.
7. Кули, Ч. (1994). Социальная самость. В Добренков, В.И. (Ред.), *Американская социологическая мысль* (с. 320–321). М.: Изд-во МГУ.
8. Локк, Дж. (1985). Опыт о человеческом разумении. В *Локк Дж. Сочинения: В 3-х т.* (Т. 1). М.: Мысль.
9. Манаков, А.Г., Суворков, П.Э. (2016). Прогноз демографических процессов в странах Южной Европы до конца XXI века. *Вестник Псковского государственного университета. Серия: Естественные и физико-*

математические науки, 9, 69–83.

10. Малинова, О.Ю. (2011). Тема прошлого в риторике президентов России. *Pro et Contra*, 3–4(52), 106–122.

11. Миненков, Г.Я. (2005). Политика идентичности: взгляд современной социальной теории. *Политическая наука*, 3, 21–38.

12. Морозов, В.Е. (2009). *Россия & Другие: Идентичность и границы политического сообщества*. М.: Новое литературное обозрение.

13. Нойманн, И. (2004). *Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей*. М.: Новое издательство.

14. Оносов, А.А., Гаспарисвили, А.Т., Шафранец, К. (2018). Культурная модель русской идентичности: аксиология, семантика и коммуникационный потенциал. *Вестник РУДН. Социология*, 18(3), 494–506. doi: 10.22363/2313-2272-2018-18-3-494-506

15. Пономарева, Е.Г. (2018). Албанский фактор дестабилизации Западных Балкан. *Вестник МГИМО-Университета*, 2, 99–124. doi: 10.24833/2071-8160-2018-2-59-99-124

16. Попова, О.В. (2002). *Политическая идентификация в условиях трансформации общества*. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та.

17. Семененко, И.С. (2011). Идентичность в предметном поле политической науки. В Семененко, И.С., Фадеева, Л.А. (Ред.). *Идентичность как предмет политического анализа*. М.: ИМЭМО РАН.

18. Семененко, И.С. (2019). Концепт изучения идентичности. В Гаман-Голутвина, О.В., Никитин, А.И. (Ред.). *Современная политическая наука: Методология* (с. 446–463). М.: Аспект Пресс, 2019.

19. *Статистички годишник на РМ* (2005). Скопје: Државен завод за статистика на РМ.

20. Сурков, В.Ю. (2019, 11 февраля). Долгое государство Путина. *Независимая газета*.

21. Хобсбаум, Э. (1998). *Нации и национализм после 1780 г.* СПб.: Алетейя.

22. Baldwin, J.M. (1906). *Mental development in the child and the race*. New York: Macmillan & Co. Взято с <https://archive.org/details/mentaldevelopme05baldgoog/page/n11>

23. Deutsch, K. (1994). Nationalism and Social Communication. In Hutchinson, J., & Smith A.D. (Eds.), *Nationalism*. Oxford, N.Y.

24. Ellestad, J., & Stets, J.E. (1998). Jealousy and parenting: Predicting emotions from identity theory. *Sociological Perspectives*, 41, 639–668.

25. James, W. (1983). *Principles of psychology*. Harvard University Press.

26. Johnson, C., & Coleman, A. (2012). The internal other: exploring the dialectical relationship between regional exclusion and the construction of national identity. *Annals of the association of American geographers*, 102(4), 863–880.

27. Mead, G.H. (2015). *Mind, self, and society: The definitive edition*. Chicago: University of Chicago Press.

28. Net migration rate. (2019). *Index Mundi*. Retrieved from <https://www.indexmundi.com/g/g.aspx?v=27&c=bk&l=en>

29. Nuttbrock, L., & Freudiger, P. (1991). Identity salience and motherhood:

A test of Stryker's theory. *Social Psychology Quarterly*, 54, 146–157.

30. Petrović, D. (2006). Anatomija identiteta: teorijsko problematiziranje identiteta. *Etnološka istraživanja*, 11, 213–232.

31. Stets, J.E., & Biga, C.F. (2003). Bringing identity theory into environmental sociology. *Sociological Theory*, 21, 398–423.

32. Stryker, Sh., & Serpe, R.T. (1994). Identity salience and psychological centrality: Equivalent, overlapping, or complementary concepts? *Social Psychology Quarterly*, 57, 16–35.

33. Šuvaković, U. (2019). Ethnic distance among the students of Serbia. *Вестник РУДН. Социология*, 19(2), 203–211. doi: 10.22363/2313-2272-2019-19-2-203-211

34. *Youth study Bosnia and Herzegovina 2018/2019*. (2019). Berlin. Retrieved from <http://library.fes.de/pdf-files/id-moe/15262.pdf>

35. *Youth study North Macedonia 2018/2019* (2019). Berlin. Retrieved from <http://library.fes.de/pdf-files/id-moe/15266.pdf>

References

1. Anderson, B. (2001). *Voobrazaemy'e soobshhestva. Razmy'shleniya ob istokax i rasprostranении nacionalizma* [Imagined community. Reflections on the origins and spread of nationalism]. Moskva: Kanon-press-C.

2. Achkasov, V.A. (2013). Politika identichnosti v sovremennom mire [Identity Policy in the Modern World]. *Vestnik SPbSU*, 6(4), 71–77.

3. Baldwin, J.M. (1906). *Mental development in the child and the race*. New York: Macmillan & Co. Retrieved from <https://archive.org/details/mentaldevelopme05baldgoog/page/n11>

4. Deutsch, K. (1994). Nationalism and Social Communication. In Hutchinson, J., & Smith, A.D. (Eds.), *Nationalism*. Oxford, N.Y.

5. Dojch, K. (2000). Rost nacij [Nation growth]. *E'tnos i politika*. Moskva: URAO.

6. Drobizheva, L.M. (2008). Nacional'no-grazhdanskaya i etnicheskaya identichnost': problemy pozitivnoj sovместимости [National-civil and ethnic identity: problems of positive compatibility]. In Gorshkov M.K. (Ed.). *Rossiya reformiruyushchayasya* (Vol. 7, pp. 214–228). Moskva: Institut Sociologii.

7. Ellestad, J., & Stets, J.E. (1998). Jealousy and parenting: Predicting emotions from identity theory. *Sociological Perspectives*, 41, 639–668.

8. Gorshkov, M.K., & Tyurina, I.O. (2018). Sintez etnonacional'nogo i grazhdanskogo kak osnova rossijskoj identichnosti [Synthesis of ethnic and civil as a basis for the Russian identity]. *Vestnik RUDN: Sociologiya*, 18(1), 44–57. doi: 10.22363/2313-2272-2018-18-1-44-57

9. Hobsbawm, E.J. (1998). *Nations and Nationalism since 1780*. SPb: Aletheia.

10. James, W. (1983). *Principles of psychology*. Harvard University Press.

11. Johnson, C., & Coleman, A. (2012). The internal other: exploring the dialectical relationship between regional exclusion and the construction of national identity. *Annals of the association of American geographers*, 102(4),

863–880.

12. Kuli, Ch. (1994). Social'naya samost' [Social self]. In Dobren'kov V.I. (Ed.), *Amerikanskaya sociologicheskaya mysl'* (pp. 320–321). Moskva: MSU.

13. Lokk, Dz. (1985). Opyt o chelovecheskom razumenii [Experience of human understanding]. In *Lokk Dzh. Sochineniya: V 3-x t. (T. 1)*. Moskva: Mysl'. 1985.

14. Malinova, O.Y. (2011). Tema proshlogo v ritorike prezidentov Rossii [The theme of the past in the rhetoric of Russian presidents]. *Pro et Contra*, 3–4(52), 106–122.

15. Manakov, A.G., & Suvorkov, P.E. (2016). Prognoz demograficheskikh processov v strah YUzhnoj Evropy do konca XXI veka [Forecast of demographic processes in southern Europe to the end of the XXI century]. *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Estestvennye i fiziko-matematicheskie nauki*, 9, 69–83.

16. Mead, G.H. (2015). *Mind, self, and society: The definitive edition*. Chicago: University of Chicago Press.

17. Minenkov, G.Y. (2005). Politika identichnosti: vzglyad sovremennoj social'noj teorii [Identity politics: a view of modern social theory]. *Politicheskaya nauka*, 3, 21–38.

18. Morozov, V.E. (2009). *Rossiya & Drugie: Identichnost' i granicy politicheskogo soobshchestva* [Russia & Others: Identity and boundaries of the political community]. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie.

19. Net migration rate. (2019). *Index Mundi*. Retrieved from <https://www.indexmundi.com/g/g.aspx?v=27&c=bk&l=en>

20. Nojmann, I. (2004). *Ispol'zovanie «Drugogo». Obrazy Vostoka v formirovanii evropejskih identichnostej* [Use Of «Other». Images of the East in the formation of European identities]. Moskva: Novoe izdatel'stvo.

21. Nuttbrock, L., & Freudiger, P. (1991). Identity salience and motherhood: A test of Stryker's theory. *Social Psychology Quarterly*, 54, 146–157.

22. Onosov, A.A., Gasparishvili, A.T., & Szafranec, K. (2018). Kul'turnaya model' russkoj identichnosti: aksiologiya, semantika i kommunikacionnyj potencial [Cultural model of the russian identity: axiology, semantics and communicative potential]. *Vestnik RUDN: Sociologiya*, 18(3). doi: 10.22363/2313-2272-2018-18-3-494-506

23. Petrović, D. (2006). Anatomy of identity: theoretical approach to identity. *Etnološka istraživanja*, 11, 213–232.

24. Ponomareva, E.G. (2018). Albanski faktor destabilizatsii Zapadnykh Balkan: stsennarij podkhod [The Albanian factor of destabilization of the Western Balkan: the scenario approach]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 2, 99–124. doi: 10.24833/2071-8160-2018-2-59-99-124

25. Popova, O.V. (2002). *Politicheskaya identifikaciya v usloviyah transformacii obshchestva* [Political identification in the transformation of society]. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta.

26. Semenenko, I.S. (2011). Identichnost' v predmetnom pole politicheskoy nauki [Identity in the subject field of political science]. In *Identichnost' kak predmet politicheskogo analiza*. Moskva: IMEMO.

27. Semenenko, I.S. (2019). Koncept izucheniya identichnosti [Identity

learning concept]. In Gaman-Golutvina, O.V., & Nikitin, A.I. (Eds.), *Sovremennaya politicheskaya nauka: Metodologiya*. Moskva: Aspekt Press.

28. *Statistical Yearbook of the Republic of Macedonia* (2005). Скопје: Државен завод за статистика на РМ.

29. Stets, J.E., & Biga, C.F. (2003). Bringing identity theory into environmental sociology. *Sociological Theory*, 21, 398–423.

30. Stryker, Sh., & Serpe, R.T. (1994). Identity salience and psychological centrality: Equivalent, overlapping, or complementary concepts? *Social Psychology Quarterly*, 57, 16–35.

31. Surkov, V.Y. (2019, February 11). Dolgoe gosudarstvo Putina [Putin's long state]. *Nezavisimaya gazeta*.

32. Šuvaković, U. (2019). Ethnic distance among the students of Serbia. *Vestnik RUDN. Sociologiya*, 19(2), 203–211. doi: 10.22363/2313-2272-2019-19-2-203-211

33. Vishnyakov, Y., & Ponomareva, E. (2018). Serbiya na Balkanah: izobretenie «porohovogo pogreba Evropy» [Serbiya in the Balkans: The Invention of “Europe's Gun powder Magazine”]. *Sovremennaya Evropa*, 7, 108–121. doi: 10.15211/soveurope72018115129

34. *Youth study Bosnia and Herzegovina 2018/2019* (2019). Berlin. Retrieved from <http://library.fes.de/pdf-files/id-moe/15262.pdf>

35. *Youth study North Macedonia 2018/2019* (2019). Berlin. Retrieved from <http://library.fes.de/pdf-files/id-moe/15266.pdf>